

Дризен Н.В., бар. Чехов и его
пьесы // Возрождение (Париж).
1929. 15 июля. № 1504. С. 2.

Чеховъ и его пьесы

Съ имениемъ А. М. Чехова у меня связано много театральныхъ и нетеатральныхъ воспоминаній.

Какъ сейчасъ вижу благообразную, почти библейскую фигуру старца-поэта А. Н. Плещеева, бесѣдующаго со мной по поводу книжки «Въ сумеркахъ», только что выпущенную Суворовымъ. «Когда я читалъ эту книжку, — сказалъ Плещеевъ, — передо мной незримо витала тѣнь И. С. Тургенева. Та же умиротворяющая поэзія слова, то же чудесное описаніе природы... Особенно нравился ему разсказъ «Святой ночью».

И рядомъ съ этимъ немного обиженное ворчаніе В. П. Буренина: «Писатель, что говорить! Только — вотъ боюсь я этого молассановскаго жанра. Большой человѣкъ на маленькія дѣла».

Послѣ этого можно себѣ представить, какъ заволновался литературный и театральныи муравейникъ, когда дирекція императорскихъ театровъ объявила первое представленіе чеховской «Чайки». Смутились, конечно, подробности. Пьеса полудекадентскаго типа (такъ аттестовали ее репортеры), а идетъ въ бенефисъ ультра-реальной артистки Левкѣевой (обезсмертившей себя въ роли купчихи Вѣлотѣи въ комедіи Островскаго «Женитьба Бальзамина»).

Слухи имѣли основаніе. Я отлично помню этотъ злополучный спектакль. Прежде всего залъ наполнился не почитателями Чехова, а поклонниками артистки, избравшей его пьесу, для своихъ артистическихъ именинъ. Пришелъ весь Гостинный Дворъ, пришли всѣ мелко-буржуазныя и полу-интеллигентныя элементы столицы, которымъ былъ вообще чуждъ новаторскій стиль, а тѣмъ паче въ нѣдрахъ Александринскаго театра.

Извѣстенъ результатъ такой пробы. Празднично настроенная публика сначала недоумѣвала, а потомъ откровенно шифла. Все это не укрылось отъ бѣднаго автора, который не дождался окончанія пьесы и прямо изъ кулисъ бѣжалъ на Николаевскій вокзалъ, а оттуда съ первымъ поѣздомъ — въ Москву.

Нѣсколько мятче прошло въ театрѣ Корша, въ Москвѣ, первое представленіе «Иванова». Много позже я бесѣдовалъ объ этомъ спектаклѣ съ покойнымъ В. Н. Давыдовымъ. Онъ утверждалъ, что пьеса имѣла успѣхъ, но сознавалъ, что это былъ такъ называемый *succes d'estime*.

Во всякомъ случаѣ, напомню еще разъ, что Чехова — драматурга, создалъ Московскій Художественный Театръ, и навсегда осталась за нимъ эта слава. Какъ потомъ ни силился тотъ же Александринскій театръ воплотить Чехова, какъ ни подходилъ къ нему «особенно серьезно», пригласивъ для его пьесъ, въ качествѣ «менторовъ», бывшихъ «художественниковъ» въ родѣ Мейерхольда, — это былъ всегда «Фрейшицъ, разыгранный перстами робкихъ ученицъ».

Впрочемъ, судя по воспоминаніямъ К. Станиславскаго, А. Вишневскаго и др., самое воплощеніе Чехова на сценѣ Художественнаго Театра далось ему послѣ немнѣжныхъ трудовъ и испытаній. И далъ онъ «Чехова» не въ использованныхъ раньше пьесахъ («Чайка» или «Ивановъ»), а въ пьесѣ, впервые имъ представленной: «Дядя Ваня».

Все это ярко свидѣтельствуетъ, что къ драматическому творчеству Чехова вовсе нельзя подходить съ той же мѣркой, съ какой мы подходимъ къ Гоголю, Грибоедову, Островскому, Сухову — Кобылину и др. Пушкинъ будто бы сказалъ, что наиболѣе умный человѣкъ въ «Горѣ отъ ума» самъ Грибоедовъ. То тотъ же афоризмъ, съ маленькимъ измѣненіемъ, можно примѣнить и къ Чехову: въ сущности наиболѣе типичное лицо въ пьесахъ Чехова, онъ самъ, Чеховъ. Его стиль, манера письма, подходъ къ каждому дѣйствующему лицу, куда типичнѣе и оригинальнѣе самихъ дѣйствующихъ лицъ. На самомъ дѣлѣ, подумайте, гдѣ вы встрѣчали, или

встрѣчаете всѣхъ этихъ Астровыхъ Репневскихъ, Гаевыхъ, если по-просту не узнаете въ нихъ хорошо знакомыхъ, особенно въ старой русской провинціи, русскихъ интеллигентовъ. Никогда вы не считали ихъ особенно оригинальными. Никогда не приходило вамъ въ голову поставить ихъ на отдѣльную полочку и обозначить особымъ имениемъ.

Да и самъ Чеховъ не слишкомъ мудрилъ насчетъ этого имени. Однажды онъ окрестилъ ихъ «Хмурыми людьми», какъ бы подвелъ итогъ, своей довольно обширной коллекціи зыведенныхъ образовъ.

Хмурые люди, люди конца 90-хъ годовъ. «Лишніе люди», сказалъ бы Тургеневъ.

Кстати, съ типами Тургенева чеховскіе герои въ несомнѣнномъ родствѣ. Они такъ же однолюбы, какъ у Тургенева, неудачники на жизненномъ поприщѣ, живущіе больше будущимъ, чѣмъ настоящимъ. Изъ этого разряда «потерпѣвшихъ крушеніе», не дѣлаетъ исключенія даже Лопухинъ («Вишневый Садъ»). Преподобный революціоннаго штурма, счастливый собственникъ «Вишневаго Сада», онъ такой же неудачникъ, какъ и остальные. Едва ли, когда садъ будетъ окончательно срубленъ, а дачники выселены народническимъ «пролетаріатомъ», уцѣлѣетъ и онъ...

Эта родственность мотивовъ Тургенева и Чехова само собою опредѣляетъ родъ драматическихъ произведеній того и другого автора въ мировой литературѣ.

Лично на мой взглядъ, Чехова, равно какъ и Тургенева, все труднѣе и труднѣе становится изобразить на сценѣ. Еще на Тургенева мы смотримъ, какъ на рѣдкую гравюру 60-хъ годовъ и миримся съ ея наивностями. Но Чеховъ! Въдѣ это наше время! Мы, можетъ быть, не помнимъ больше «Трехъ сестеръ», скучныхъ по Москвѣ, но разореніе «вишневыхъ садовъ» — дѣло нашихъ дней. Это одна изъ тѣхъ страницъ, которыя хочется поскорѣе перевернуть и начать новую.

Однако, если забыть эти драмы, что останется? «Ивановъ», «Чайка», «Дядя Ваня»? Кажется, самъ авторъ не былъ ими особенно доволенъ. Изъ этихъ пьесъ наиболѣе здоровое произведеніе, пожалуй, «Дядя Ваня». До сихъ поръ живы профессоры, подобные Серебрякову, и, вѣроятно, возможны случаи самопожертвованія во вкусѣ дяди Вани.

Художественному Театру эта пьеса удалась больше другихъ. Въ ней особенно ярко почувствовалась непосредственность драматурга, его желаніе сказать «новое слово». Совсѣмъ не удался Чехову «Ивановъ». Нѣтъ сомнѣнія, что самими названіемъ пьесы онъ стремился создать нѣчто типичное и родовое для русской интеллигенціи. Въ этомъ смыслѣ «Ивановъ» не оправдалъ надеждъ. Но на русской сценѣ онъ произвелъ маленькую революцію. Чуть ли не съ Иванова вошелъ въ сценическій обиходъ типъ неврастеника, т. е. представитель той разновидности сценическаго амплуа, который слова не скажетъ «въ простотѣ», а «все съ ужимкой». Исчезнетъ Чеховъ на сценѣ, исчезнетъ и этотъ «типъ».

Бар. Н. В. Дризень